

ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА: ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

В. Н. Алиева

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматривается звукоподражательная (ономатопоэтическая) лексика как особый, активно развивающийся пласт языка.

Ключевые слова: звукоподражания, ономатопоэтическая лексика, эквиваленты слов.

У статті розглядається звуконаслідувальна (ономатопоетична) лексика як особливий, пласт мови, який активно розвивається.

Ключові слова: звуконаслідування, ономатопоетична лексика, еквіваленти слів.

In the article deals sound vocabulary as the main active level of language.

Key words: sound vocabulary, fiction lexics, equivalent of words.

В современных исследованиях по языку звукоподражания определяются по-разному: изобразительные, а иногда ономатопоэтические слова. Термином «изобразительные слова» чаще всего обозначают широко распространенные, например, в тюркских языках звукоподражательные и так называемые образные слова [2, с.254]. Нередко звукоподражания рассматриваются как «словесные символы», «речевые знаки», «эквиваленты слов» [2, с.254].

Термин «ономатопоэтический» в русском языке употребляется в основном в словарях и авторских работах и носит узкоспециальный характер. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой приводится определение слова «ономатопоэтический» и предлагается следующее толкование: Звукоподражание (ономатопея) 1. Условное воспроизведение звуков природы и звучаний, сопровождающих некоторые процессы (дрожь, смех, свист и т.п.), а также криков животных: Русск. мяу, гав-гав, кукареку. 2. Создание слов, звуковые оболочки которых в той или иной степени напоминают называемые (обозначаемые) предметы и явления. – Русск. Хохот, кукушка, мурлыкать [1, с.157].

Ономатопоэтическая. То же, что звукоподражательный. Ономатопоэтическая теория. То же, что теория звукоподражания [1, с.288].

Как известно, теория звукоподражания (ономатопоэтическая теория) – это одна из гипотез о происхождении языка. Споры о закономерности или случайности связи между звукоподражанием, составляющим слово, и понятием, которое оно обозначает, ведутся с античных времен. Древний человек придавал звукам таинственное значение, а многим звукоподражаниям приписывался магический характер. Вероятно, это было связано со свойством звука вызывать у людей определенные ощущения. Так, филологи, исследующие область звукового символизма, отмечают, что высокие звуки у большинства говорящих, вызывают ощущение светлого, а низкие – темного [16, с.107].

Отметим, что образное восприятие звуков языка у представителей разных языковых групп различное. Например, все мы знаем, что петух кричит «ку-ка-реку», но в Турции считают, что петух кричит «ко-ко-ри-ко», в Англии – «ко-кей-дудду»; свиньи в разных странах хрюкают по-разному: у немцев – «киик», у анг

личан – «ойнк-ойнк», а у итальянцев – «фрон-фрон». Овцы в Турции и в Англии тоже блеют по-разному: «ми-ми» (Турция), «ба-а» (Англия). Такое разнообразие связано еще и с тем, что люди «приспосабливают звуки животных к произношению и звукам родного языка» [4, с.51–52].

А.И. Германович при сравнительном обозрении звукоподражаний в разных языках писал: «Пушкинская фраза «Колокольчик динь-динь-динь» по-лакски будет звучать: «Гюнгутул гяр-гяр-гяр», по-лезгински – «Куркурди зинг-зинг авуна», по-аварски – «цумур зингъ-зингъ», по-кумыкски – «къонграв зынгырлай»... И это не удивительно, так как мы имеем дело с языками, далекими по строю, разных систем и ступеней развития [3, с.213-214]. Добавим, что различие и разнообразие звукоподражаний обусловлено разным мироощущением, творческим опытом и потенциалом писателя и поэта.

Прислушаемся к перезвону колоколов в стихотворении И. Анненского «Колокольчик» [10, с.354]:

Динь-динь-динь,	Дида Лоде ладили,
Дини-Дини...	Ладили не сладили,
Дидо-Ладо, Дидо-Ладо	Диду надосадили.
Ладу диду ладили,	

Это поэзия звонов, шумов и шорохов, где господствует интерес к внешней форме слова. Иная музыка в стихах А.С. Пушкина – это музыка слов, доведенная до совершенства, но не заслоняющая смысловую сторону слова. Вспомним его знаменитые и такие знакомые строки: «Еду, еду в чистом поле, колокольчик динь-динь-динь»; или: «Кони снова понеслись; Колокольчик дин-дин-дин»... Пушкинские стихи справедливо сравнивают с речевым потоком, который отличается высочайшей техникой стихосложения («легкостью и прозрачностью»), учетом словесной семантики. Часто это звукопись, мастерское повторение одинаковых звуков и звукосочетаний, передающих «скучную» дорогу, по которой – Тройка борзая бежит, // Колокольчик однозвучный // Утомительно гремит [7, с.97].

Звуки доносят до нас “мазурки гром”, “красоту огромного зала”, где “все дрожало”:

Мазурка раздалась. Бывало, // Когда гремел мазурки гром, // В огромном зале все дрожало, // Паркет трещал под каблуком, // Тряслися, дребезжали рамы; // Теперь не то, и мы, как дамы, // Скользим по лаковым доскам. «Евгений Онегин» [7, с.92].

Начиная с XIX века, русские писатели и поэты все активнее используют звукоподражания как выразительное средство описания звуковой действительности, создания эмоционального настроения и передачи внутреннего мира своих героев. Разряд общеизвестных и общеупотребительных звукоподражательных слов пополняется окказиональными, то есть обусловленными индивидуальным авторским вкусом и употреблением. Так, у М. Пришвина сороки, «сидя на верхних пальчиках ёлок», трещат: «Одни вроде: – Дри-ти-ти! Другие: – Дра-та-та!»; Некоторые птицы, «бороздя утреннее поле, ищут и кличут себе подругу: – Пить-полоть! Пить-полоть» [6, с.33; 158].

Чрезвычайно много звуков в прозаических произведениях А.П. Чехова. Это лаконичные, выразительные слова, «физически осязаемые», передающие тяжелое состояние действующих лиц: Я прячу голову под подушку, закрываю глаза и жду жду... – Киви, киви! – раздается вдруг писк в ночной тишине, и я не знаю где это: в моей груди или на улице? – Киви – Киви! Боже мой, как страшно! [14, с.438].

Человеческая речь, представленная как звуковой эскиз, всегда индивидуальна и типична для чеховских героев. Это неожиданные сравнения: речь Моисея Моисеевича «походила на непрерывное «гал...гал...гал...», а его жена отвечала индюшачьим голосом, что-то вроде «ту-ту-ту» [14, с.278]; Доктора Сергея Борисовича, человека немолодого, писатель награждает неизменным «ру-ру-ру», которым он выражает свое «недовольство и безразличие»; другого героя – Ярцева – сопровождает жизнерадостное «га-га-га» [14, с.66].

В контексте чеховских рассказов звукоподражания не изолируются от других слов, они могут субстантивироваться, выполняя в предложении функции подлежащего, дополнения и сказуемого: Доктор, казалось, не отходил от кровати, и каждую минуту слышалось его «дэ, дэ, дэ»... – Дэ, дэ, дэ... – сыпал доктор. – Отлично. Отлично... [14, с.205]. Варька лежит на печи, не спит и прислушивается к отцовскому «бу-бу-бу»... Доктор уходит, свеча тухнет, и опять слышится бу-бу-бу [14, с.253].

Звукоподражания оживляют чеховские картины: описание грозы, метели, дождя, сопровождаемые ударами и стуками, придают динамику и особую ритмику повествованию: –У-у-у-у! – пела метель. – У-у-у-у! – Батюшки! – провыла баба на чердаке, или только послышалось. – Ба-а-а-тюшки мои-и! – Ббух – ударило что-то снаружи о стену. – Трах! [14, с.317].

А вот фабричные сторожа отбивают часовой ритм: Около одного из корпусов кто-то бил в металлическую доску, бил и тотчас же задерживал звук, похожий на «дер...дер...дер...». Затем полминуты тишины, и у другого корпуса раздались звуки ... уже более низкие, басовые – «дрын...дрын...» [14, с.309].

В рассказе «Агафья» птичьи крики вызывают у писателя удивительные ассоциации – это звуко сочетания, напоминающие человеческую речь: «Ты Ни-ки-ту видел?!» Безупречный слух, прекрасное знание языка способствует созданию звуковых образов, которые придают прозе А.П. Чехова, обращенной «к высшим идеалам бытия», удивительную поэтичность.

«Экспансия» звукоподражаний в последующие эпохи проявляется в изменении их содержания, пополнении состава, расширении возможностей функционирования, в активном участии в области русского словообразования. В учебниках по современному русскому языку отмечается, что «по совокупности признаков данные слова следует выделить в отдельную лексико-грамматическую категорию» [12, с.410]; это «особые классы слов» [11, с.167]. Особое место занимают звукоподражания, создаваемые современными авторами. В литературе для детей С.Я. Маршака, К. Чуковского, И. Токмаковой, Г. Жукова множество традиционных и окказиональных звукоподражаний. Они используются не только для передачи звуков природы, но и для наименования животных, предметов, звуки которых они воспроизводят. В «Азбуке для самых маленьких»: Чьи там крики у пруда? // –Ква-су, Ква-су, нам сюда! // Ква-Ква-Ква-су, просто Кваши, // Надоела нам вода! ... (Токмакова).

Некоторых поэтов XX века сравнивают с лингвистами, которые в традициях Потебни анализируют морфемный состав слова, чтобы «докопаться» до его «внутренней формы» с целью превращения слова из условного знака предмета или понятия в наглядный образ [14, с.13]. В художественной речи поэтов

В.В. Хлебникова, В.И. Иванова, М.И. Цветаевой образная характеристика предмета выступает на первый план. В стихотворении М. Цветаевой «Провода» звуковое начало проявляется особенно ярко:

Вздохов – проволокой к столбу –

Телеграфное: лю-ю-блю...

Телеграфное: про-о-щай...

Через насыпи – и – рвы

Эвридикино: у-у-вы,

Не у–

[15, с.212].

Долгота гласных в словах “лю-ю-блю”..., “про-о-щай”... с тире на стыке морфем и с последующим многоточием способствует звуковой передаче характерного гудения телеграфных проводов, а слова воспринимаются скорее как особые звукоподражания. Думается, это пример того, когда, по выражению А.А. Потебни: “Относительно широкое и глубокое значение слова стремится оторваться от сравнительно ничтожного представления” [5, с.302].

Итак, можно с уверенностью констатировать, что звукоподражательные слова – это особый, активно развивающийся разряд лексики русского языка.

Литература:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов // Сб. статей. Ответ. ред.: В.И. Жирмунский, О.П. Суник. – Л.: Наука, 1968. – 343 с.
3. Германович А.И. Звукоподражания и звукоподражательные слова русского языка // Известия Крымского пед. института. – Т.ХІІ. – Симферополь, 1947. – С.187-218.
4. Григорян Л.Т. Язык мой – друг мой. – М.: Просвещение, 1988. – 207 с.
5. Потебня А.А. Из записок по теории словесности // Эстетика и поэтика. – М., 1976.
6. Пришвин М. Зеленый шум. – М.: Правда, 1984. – 480 с.
7. Пушкин А.С. Стихотворения и поэмы. – М.: Худ. лит-ра, 1976. – 320 с.
8. Пушкин А.С. Избранные сочинения в двух томах. – М.: Худ. лит-ра, 1978.
9. Русская поэзия XVIII века. – М.: Худ. лит-ра, 1972. – 734 с.
10. Русские поэты. Антология в 4-х томах М.: Детск. лит-ра, 1966.
11. Русский язык. – Ч.2. – М.: Просвещение, 1989. – 288 с.
12. Современный русский литературный язык. – Л.: Просвещение, 1981. – 584с.
13. Чернец Л.В. К теории поэтических троп // Вестник Московского университета. – Серия 9. – №2, 2000. – С.7–17
14. Чехов А.П. Рассказы и повести. – Самара: Парус, 1997. – 752 с.
15. Цветаева М. Сочинения: в 2-х т. – М., 1988.
16. Энциклопедический словарь юного филолога. – М.: Педагогика, 1984. – 352 с.